

УДК 316:34

DOI: 10.26565/2226-0994-2018-59-5

Татьяна Воропай

РЕВОЛЮЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ¹

Идентичность представляет собой устоявшуюся самооценку социальной группы или общности в условиях мира и стабильности, но она проблематизируется в кризисных условиях (война, революция, социальный кризис и т. п.). Часто идентичность связана с появлением врага или хотя бы «образа врага». В рамках статьи идентичность рассматривается как рождение политической субъектности (политической нации) в обществе, которое многие геополитики считают объектом международных отношений. Мы стремимся опровергнуть это мнение. Задачей статьи является непредвзятый и объективный анализ становления украинской политической нации, проведенный в разных аспектах (геополитика, война, медиа).

Ключевые слова: идентичность, гибридна война, геополитика, революция, масс-медиа.

Проклятая геополитика

... культурный горизонт нации прочерчивается
именно под молниями революций.

А. П. Неклесса

Геополитики, в отличие от политологов, предсказывают движение колеса истории достаточно точно. В 1996 году Самюэль Хантингтон опубликовал работу «Столкновение цивилизаций», посвященную миру после холодной войны [Huntington, 1996]. Основная идея этого труда заключалась в том, что в наступившем новом мире культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом широком уровне являются идентификацией цивилизации) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта.

Работа наделала много шума и из-за непривычной методологии (полицивилизационного подхода), в соответствии с которой культурное доминирует над политическим и идеологическим, и из-за смелых, по меркам отечественной социальной науки, прогнозов. По поводу взаимоотношений России и Украины прогноз Хантингтона был весьма осторожен. Рассматривалось три сценария: согласно первому конфликт между русскими и украинцами маловероятен; согласно второму – произойдет раскол Украины по линии разлома на две части, восточная из которых войдет в состав России; согласно третьему – «Украина останется единой, останется расколотой, останется независимой и в целом будет тесно сотрудничать с Россией» [Huntington, 1996, p. 168]. Эвристическая сила этого прогноза невелика, поскольку он охватывает практически весь спектр логически возможных вариантов. Ранее, в первой главе, Хантингтон критически рассматривает и другой – статистический – подход Мирсхаймера, прогнозы которого звучали более радикально и на первый план выдвигали не просто *раскол* Украины, но возможность российско-украинской *войны* [Huntington, 1996, p. 37]². Заметим, год выхода книги – 1996 (русский перевод появился в 2007) и главной эмпирической базой для автора были итоги президентских выборов 1994 года.

© Воропай Т. С., 2018.

This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License 4.0.

¹ Статья была написана в 2015 году, по горячим следам событий украинской истории 2013–2014 гг. Поэтому некоторые положения статьи не являются сегодня актуальными, тогда как другие не утратили злободневности.

² В справедливости еще одного прогноза, данного на этой же странице, мы, возможно, убедимся довольно скоро: «Учитывая культурный фактор, можно предположить, что при этом разделении будет больше насилия, чем при распаде Чехословакии, но оно будет куда менее кровавым, чем развал Югославии» [Huntington, 1996, p. 37].

Другой американский политолог Джордж Фридман предлагает свой геополитический прогноз ни много ни мало на «следующие 100 лет» [Фридман, 2010]. Его работа, в отличие от труда С. Хантингтона, узко прагматическая, как и его род деятельности – основатель и исполнительный директор частной разведывательно-аналитической организации STRATFOR, основатель Центра геополитических исследований. Чисто геополитические реалии, географию мировой политики Фридман соединяет с прогнозированием будущих технологий, главным образом военных. Согласно его прогнозу, доминирование США в XXI веке будет продолжаться. «Россия обязательно попытается установить свои порядки, а США обязательно попытаются этому помешать. Но в конечном счете Россия не сможет победить» [Фридман, 2010, с. 15–16]. Наряду с другими геополитическими постулатами, которые широко известны, Фридман напоминает, что в геополитике крупные конфликты повторяются, и «русский геополитический вопрос» возникнет «скорее раньше, нежели позже» и будет определять двадцатилетний этап мировой истории в период, предшествующий 2020 г. [Фридман, 2010, с. 141]. Не будем останавливаться на геополитических, экономических и демографических проблемах РФ, они известны. Нам важно лишь то, что предопределило войну с Украиной, а именно: «Большая стратегия России предполагает создание глубоких буферных зон вдоль Северно-Европейской равнины, внесение раскола в ряды своих соседей и манипулирование ими, что позволит построить новый региональный баланс сил в Европе» [Фридман, 2010, с. 145]. Россия просто ждала удобного случая, который не замедлил появиться. После революции 2013–2014 гг. государство Украина было предельно слабым и обескровленным, и не воспользоваться ситуацией Россия не могла себе позволить. Заметим, Фридман писал книгу за пять лет до событий в Украине в отличие от отечественных политологов, которые вспомнили азбуку геополитики постфактум.

Но продолжим читать Фридмана. «Украина и Беларусь для России – все. Если эти страны попадут в руки врага (например, вступят в НАТО), Россия окажется в смертельной опасности. От границы с Беларусью до Москвы – чуть больше 300 км. От границы с Украиной до Волгограда <...> – меньше 300 км. Россия оборонялась и от Наполеона, и от Гитлера за счет глубины своей территории. Без Беларуси и Украины эта глубина исчезает. Исчезает земля, которую можно обменять на кровь врага» [Фридман, 2010, с. 153].

Из этого ясно следует, что, во-первых, педалирование вопроса о вступлении Украины в НАТО, что называется, «не на час» просто потому, что ни Америка ни Европа на такой риск сегодня пойти не готовы, а, во-вторых, что дело не только в Путине, как пытается представить наша публицистика. Путин – одиозен, но любой другой на его месте, скорее всего, гнул бы или будет гнуть после Путина ту же геополитическую линию. Ибо, как мы пытались показать, законы геополитики надличностны и в этом смысле объективны, и этические категории добра и зла в ней не работают ни в каком формате. Как не работают они, увы, ни в одной претендующей на точность науке.

И еще пару цитат из Фридмана. «Русские подорвали “оранжевую революцию”, сыграв на расколе между пророссийской Восточной Украиной и проевропейской Западной Украиной. Это оказалось совсем нетрудным делом, и вскоре украинская политика зашла в тупик» [Фридман, 2010, с. 154]. Но дважды это проделать не удалось. Гибридная война, разгоревшаяся на Донбассе, явно сюда не вписывается, что и ставит под большой вопрос итоговый прогноз Фридмана по Украине. «Новое поглощение Беларуси и Украины российской сферой влияния станет фактом в следующие 5 лет. Когда это произойдет, Россия вернется к границам с Европой, примерно соответствующим тем, которые существовали в период между двумя мировыми войнами» [Фридман, 2010, с. 154–155].

Но если соединить оба прогноза и к геополитической категоричности Фридмана добавить культурную компоненту Хантингтона, позволяющую видеть в государствах и нациях не только объекты, но и субъекты геополитики, то точность сделанных прогнозов

приближалась бы к стопроцентной³. Сила концепции Хантингтона, среди прочего, состоит в постановке и всестороннем рассмотрении проблемы социальной идентичности, которая способна серьезно путать карты в современных геополитических раскладах.

Идентичность является устоявшимся признаком социальных групп (кто мы? кто я?) в условиях мира и стабильности, но она проблематизируется в кризисных условиях войн или революций, когда сообщество и отдельный индивид осознает не только то, кем он есть, но и переосмысливает то, кем он хочет или должен быть. Тогда, когда появляется враг или хотя бы «образ врага». Осмысление идентичности сопровождается рождением политической субъектности в обществе, которое многие геополитики считают объектом международных отношений. В литературе уже стало своего рода клише высказывание относительно того, что Украина – объект, а не субъект международной политики, разменная карта в чужих геополитических раскладах. То есть самосознание нации ничего не стоит и ни на что не влияет. Опровержение этого мнения и составляет *главную цель* настоящей статьи.

О современном этапе русско-украинской войны Джон Фридман пишет с известной долей осторожности. «В последние недели (на момент начала – 2015. – Т. В.) три вещи стали очевидными. Во-первых, русские не будут вторгаться на Украину напрямую. Вы не сможете занять страну с почти 50 миллионов человек населения 50 тысячько войск, которые Россия мобилизовала. И потом, вы никогда не можете предположить, что население на занятых территориях будет радостно приветствовать вас» [Фридман, 2014а]. Соединенные Штаты, считает Фридман, в настоящее время имеют прозападное правительство на Украине. Если это правительство продолжит существовать и укрепляться, позиция России становится полностью оборонительной, а позы Москвы перестанут угрожать. «Россия в настоящее время имеет два варианта. Во-первых, дестабилизировать Украину. Успех является неопределенным, а Москва не может предсказать реакцию США. Движения Вашингтона в Польше, Румынии и даже Турции сделали этот вариант более рискованными, чем это было ранее. Запасной вариант для России – нейтрализовать Украину. Россия оставит нынешнее правительство на месте до тех пор, пока Киев не обязуется присоединиться к ведомым Западом многонациональным структурам и не допустит присутствия ни одного иностранного военного на территории Украины. В свою очередь, русские будут гарантировать территориальную целостность Украины и, возможно, даже пересмотрят статус Крыма» [Фридман, 2015].

Картина будет неполной, если мы не упомянем работы российских геополитиков и их прогнозы. Одна из наиболее знаковых здесь – работа Е. В. Гильбо «Постиндустриальный переход и мировая война» [Гильбо, 2013]. Главная тема у Гильбо – грядущая мировая война, которая из фазы отдельных конфликтов переходит в глобальную фазу, кто будет воевать и к кому перейдет власть в ее результате – не является предметом нашей статьи. Но и проигнорировать ее мы не можем, поскольку сквозной идеей работы является идея о конце национального государства как такового, переход власти к транснациональным корпорациям и создаваемых ими ЧВК, то есть о переформатировании мира корпоратократией⁴. В принципе идея о конце национального государства в глобализирующемся мире не нова. Об этом давно пишут У. Бек, З. Бауман, С. Хантингтон, И. Валлерстайн и другие социологи с мировым именем.

Последствия этого процесса для Украины не вполне ясны. Но то, что они скорее негативны, чем позитивны – уже понятно. Е. Гильбо в серии интервью как российским, так и украинским СМИ, данным в июне-июле 2014 года на пике «проекта Малороссия», утрирует ситуацию и сгущает краски («на Украине выживет не более 8 млн. человек»). Но если отделить зерна от плевел, то в «сухом остатке» окажутся истины, хорошо знакомые.

---

³ Когда в Украине уже полыхала революция, книга Фридмана фигурировала в медийном пространстве, вызывая удивление «точностью попаданий».

⁴ Свежий пример тому – скандал вокруг Коломойского, которому инкриминируется, среди прочего, владение «карманной армией».

А именно: «государство – это уже иллюзия, и работа у него – не принимать решения, а оформлять сложившееся положение вещей и дел», функция президента не только в Украине, но «даже в умирающем государстве РФ – чисто пиарная», «ещё до окончания уничтожения Украины террористическая война перекинется на РФ» и т. д. Акцент Гильбо делает не на отношениях России и Украины (ибо для Запада де – это одно), а на «мировом закулисье»: «войну ведёт мировая корпоратократия против России», в Украине «решено провести этническую чистку всех славян и сделать чисто мусульманскую территорию», поскольку «между РФ или тем, что от неё останется, и Европой должно быть культурно чуждое пространство» и т. п. Опровергнуть мы это не можем (лица «кавказской национальности» на Донбассе действительно мелькают, и мы не знаем точно, кто их туда привел), как не можем и проверить, действительно ли «Украину приговорили не просто к эвтаназии, а к геноциду» [Гильбо, 2013].

Чем дальше от науки и чем ближе к публицистике, тем безапелляционнее (если не сказать – развязнее) становится тон и категоричнее прогнозы. Р. Ищенко, президент Центра системного анализа и прогнозирования, пугает войной не только Украину, но, прежде всего, Европу, которая, приняв решение о проекте Восточного партнерства, вторглась в зону жизненных интересов России, ее традиционное предполье. «После того, как гражданская война запылает на всей территории бывшей Украины, вопрос ее переноса на европейскую территорию станет вопросом времени, а не принципа» [Ищенко, 2015a]. Свою уверенность в том, что эта война запылает, эксперт объясняет тем, что «США заинтересованы Украину поджечь, а Россия без ЕС не может отрубить поджигателю руку, ЕС же закрыл глаза, дрожит за стенкой и надеется, что пронесет. Точно так же, по объективным причинам, Россия не сможет предотвратить поджог Европы, а он станет неизбежным, как только станет понятно (почти сразу и станет), что поджог Украины не дал ожидаемого результата» [Ищенко, 2015a]. Другие прогнозы этого автора в качестве постулата отталкиваются от убеждения, что «сегодня об Украине, с точки зрения геополитики, можно забыть». «Что касается Украины, то, благодаря полной неадекватности постпереворотного руководства страны и его неспособности контролировать и стабилизировать внутреннюю политическую и экономическую ситуацию, Киев окончательно утратил субъектность и стал исключительно объектом приложения внешних (в первую очередь американских) усилий. Страна превратилась в расходный материал, обеспечивающий чужие геополитические интересы и именно в таком качестве и будет использована в 2015 году» [Ищенко, 2015b]. Но скоро стало ясно, что усилия эти – российские в гораздо большей степени, чем американские. «... Все действия России в ходе развивающегося последнее десятилетие украинского кризиса, свидетельствуют о намерении Москвы включить Украину в свой евразийский проект не по частям, а целиком. До переворота 2014 года речь шла о том, чтобы Украина стала одной из важнейших составных частей Таможенного союза, а затем и ЕАЭС» [Ищенко, 2015c]. Коль скоро этот сценарий не сработал, а ситуация стремительно менялась не в пользу России, стало понятно, что «Украина нужна России вся, целиком. <...>. Украина не может войти в состав интеграционных евразийских проектов в качестве самостоятельного государства, поскольку этого государства нет, а на его восстановление необходимо потратить слишком много времени, сил и ресурсов. Значит, у неё остается единственный вариант – интегрироваться в евразийское пространство как часть России». Новороссия, по мнению автора, – проект временный, «рассчитанный на период гражданской войны и призванный обеспечить военную победу и международно-правовое обоснование ликвидации киевского неонацистского государства, без формального втягивания России в процесс» [Ищенко, 2015c].

Перечисленные позиции требуют ответа на вопрос – в какой мере самосознание нации, то есть идентичность, может *влиять* на происходящие процессы, а не просто быть дискурсивным каналом «выпускания пара» через медиаресурсы. Об этом – в следующем разделе. Но перед этим несколько слов о социальной психологии.

Фридман, говоря об Америке, сравнивает ее поведение на мировой арене с поведением подростка [Фридман, 2013, с. 44]. Такой специфический антропоморфизм, когда целому (государству) атрибутируют признак части (индивида) характерен и для риторики, и для психологии, и для практики международных отношений. Почитайте мемуары Отто Бисмарка. Обсуждать, кто с кем и против кого собирается дружить, особенно при угрозе войны, для дипломатов – обычное дело. Геополитика и есть продумывание ситуации с оглядкой на войну. То, что Е. Гильбо называет мировым заговором против России, на самом деле не заговор, о заговорах в открытой прессе не пишут. Риторика заговора нужна самой России.

Те, кто работал с большими коллективами людей или наблюдал их поведение, знают, что большим социальным группам бывают свойственны черты, которые обычно ассоциируются с индивидами: альтруизм и эгоизм, подлость и трусость, глупость и рассудительность, зависть и ревность. Черты эти не могут объяснять логику действий (в любом обществе поведение, чтобы считаться нормальным, должно быть рациональным и в целом предсказуемым), но они помогают эти действия понять. В отношении России к Украине таких базовых психологических отношений два – фантомная боль и высокомерная снисходительность⁵.

Идентичность и война

Проблема идентичности имеет множество аспектов и, соответственно, может обсуждаться в рамках множества дисциплин: от психологии и психоанализа до социологии и социальной антропологии, от философии до глобалистики и геополитики. При желании можно отыскать даже палеоантропологический аспект проблемы⁶.

В рамках данной статьи нас будет интересовать те социально-философские грани или узлы проблемы идентичности, которые релевантны для понимания украинно-российских отношений, а также связанные с ними объективные причины, которые привели к необъявленной войне, и будут иметь, по всей видимости, долгосрочные последствия.

Исторически национальные государства Европы сложились в результате растянувшихся на несколько столетий феодальных войн («война сотворила государство, а государство начало войну»). Войны сделали необходимым формирование национального самосознания и национализма, цементирующей идеологии вновь созданных европейских государств, доминировавшей до конца XIX века.

Войны XX столетия – две мировые и «холодная война» – оказали сравнимое воздействие на современный мир. Хотя сегодня война – не столько творец государств, сколько их разрушитель; государство утратило важнейшую из своих функций – защиту граждан. «Эрозия функции защиты граждан принизила авторитет государства и лишила граждан причины отождествлять себя с государством, одновременно подталкивая людей к субнациональным и транснациональным группам» [Хантингтон, 2004, с. 42]. Идентичности, в том числе национальные, стали все чаще пониматься как конструкторы, а не как примордиальные онтологические сущности.

В последней декаде XX века кризис национальных идентичностей носил глобальный характер. Всеобщий характер кризиса (наблюдавшегося как в США и Европе, так и в странах бывшего СССР) заставил искать и его общие причины. В качестве

---

⁵ С. Медведев очень точно выразил данную психологическую перверсию: «Молдавскую, таджикскую, даже белорусскую независимость русские восприняли спокойно, а украинскую не смогли, причем речь идет не об имперцах и почвенниках, а о самых широких слоях образованного класса, смотревших на Украину как на банановую республику и одновременно затаивших глубокую обиду на неразумного “младшего брата”, который дерзко отринул кровное родство» [Медведев, 2014].

⁶ См.: Тимонова Е. Звериный оскал патриотизма. URL: https://www.youtube.com/watch?v=n8moLsg_eT8.

такових називались модернізація, прорыви в економічному розвитку (прежде всего, в сфері транспорту і комунікаційних технологій), урбанізація і глобалізація [Хантінгтон, 2004, с. 37]. Глобалізація і ідентичність – в якості силових ліній слияння і розбегання – продовжають визначати сучасну ситуацію [Воропай, 2009].

«Битви за ідентичність» супроводжали всі перехідні процеси від біполярного світу до світу однополярному. Після розпаду СРСР і «паради суверенітетів» в новообразованих державах шлі масові пошуки національних ідентичностей, які всередині свідомості самих нових національних суб'єктів розглядалися як одержання свободи і повернення до автентичної історії. Шлі процес масового соціального «автопроектирування». С точки зору «імперії», яка втрачала громадські частини території, це розцінювалось як спроба восполнити правовий і легітимізаційний дефіцит «ізобретенням традиції», національної ідентичності з наступним її гіпостазуванням.

В початку і середині дев'яностих всі битви за ідентичність мали етніцистський компонент і яскраво виражений «освободительний» пафос. В світі, який уже був інформаційно пов'язаним, і в цьому сенсі – глобалізованим, етнонаціоналізм демонстрував свої найнеприємніші сторони.

Показателем є інше: хоча сама «національна ідентичність» є свого роду міфологема і конструкт, але «сконструйовані» – свідомо, як радянська ідентичність («нова історична спільнота»), або стихійно, як пострадянські – ідентичності ці виявляються цілком стійкими, по-своєму органічними. Покоління, народившись і виростаючи в незалежних державах, відповідно, піддані новій ідеологічній обробці і новій соціалізації, в основному через систему освіти, позбавлені ностальгії, і розривом ідентичності старшого покоління. І ксенофобія – це хоча і не передбачуваний заздалегідь злим умислом, але закономірний результат національно орієнтованої ідеології з рессентиментом в якості ядра.

Формування соціальних ідентичностей має загальну схему, яка добре відома психологам, і соціологам. Щоб ідентифікувати себе і людям, і націям потрібні інші. Ідентичність вимагає диференціації, диференціація вимагає порівняння (виявлення ознак, за якими «наша» група відрізняється від «їх» групи), порівняння породжує оцінку (все «наше» краще) і конкуренцію («ми» повинні продемонструвати «наше» переважання над «ними»). Конкуренція веде до антагонізму, виникають стереотипи, вороги демонізуються, «інші» стають ворогами [Хантінгтон, 2004, с. 57]. Цей механізм є універсальним, і він здатний проявити багато меж і перипетій як україно-російських, так і інших міжнародних відносин.

Війна стимулює і прискорює формування національної ідентичності, оскільки матеріалізує і кристалізує образ ворога, який в процесі «мирного» формування ідентичності явно або латентно присутній. Для України Росія не була ворогом до анексії Криму і наступної окупації Донбасу, вона була скоріше маркованим або «важливим іншим». Для Росії Україна теж не була ворогом (ворогом для Росії – весь світ Заходу), тому насквозь міфологічний інформаційний продукт про «бандерівців», «фашистів» і т. п. був винайдений *ad hoc*, головним чином – щоб виправдати війну. Роз'яснювати соціальну міфологію безглуздо, бо міфи завжди були филигранно інсталювані в структуру національної ідентичності, і в ідеологію націоналізму.

Ідеологія націоналізму присутня і в українському, і в російському політичному полі, маючи багато відтінків. Ідеологія ця може виконувати позитивні соціальні функції в перехідні або екстремальні періоди історії, коли йдеться про збереження нації, про визвольну боротьбу або

первоначальном государственном строительстве. Но на долгосрочную перспективу идеология национализма не годится, поскольку имеет ряд дефектных составляющих. Во-первых, она всегда опирается не столько на рациональную картину мира, сколько на мифологию и в этом смысле является мономаниакальной (как мономаниакальными являются многие религиозные секты), то есть неспособной к диалогу и коммуникации. Во-вторых, национализм очень плохо сочетается с демократией, ибо национализм опирается на политику исключения, тогда как демократия – на политику включения. И, в-третьих, национализм очень плохо реагирует на множественные (амбивалентные или поливалентные) идентичности.

В процессе повсеместных и чаще всего малопродуктивных поисков идентичности изменился и ценностный статус проблемы. По мнению нобелевского лауреата Амартии Сена, концепция идентичности в том виде, в каком она представлена в современной социологической литературе, по сути своей ошибочна и не должна служить инструментом исследования политических процессов. Большинство социологов согласны с тем, что каждый человек в разные моменты времени имеет множество социальных ролей, и вовсе не обязательно, чтобы одна из них была стержневой. Несколькими годами раньше гарвардского профессора А. Сена о принудительно-крепостническом характере «прикрепления» к нациям писал Г. А. Тульчинский, анализируя процессы, происходившие на постсоветском пространстве [Тульчинский, 2002, с. 376–379]. «Пришпилить» человека к этносу, нации, культуре – значит лишить его свободы выбора себя, подменить самоидентификацию навязанной сверху идентичностью. О том же пишет и С. Хантингтон, отмечая, что и индивиды, и группы обладают множественными идентичностями (исключения составляют экстремальные ситуации: революции, войны и т. д.) [Хантингтон, 2004, с. 50–55]. Но война не обязательно «снимает» множественные идентичности, иногда она их еще больше обнажает.

Разумеется, в политическом смысле гораздо проще задекларировать тезис об унитарном государстве, чем иметь дело с реальной пестротой имеющихся идентичностей. За годы украинской независимости «плавильного котла» востока и запада не произошло, и это свидетельствует о том, что идентичности живут своей жизнью и плохо поддаются влиянию политических волей элиты⁷.

Особенно ярко полифоничная украинская идентичность проявилась во время последнего Майдана, идеология которого носила «жидкостный» характер [Ермоленко, 2014, с. 9]. «Эмоционально он (майдан. – Т. В.) был патриотично-националистичным. Рационально, на уровне разума, он был либеральным: лозунги Майдана – достоинство, права человека, верховенство права – были либеральными. Но организационно он был левым: это было пространство без денег, пространство коммуны, пространство взаимопомощи», – отмечает ученый [Ермоленко, 2014, с. 9]. Благодаря такой идеологической эклектике «его душа была правой, его разум был центристским, его тело было левым» [Ермоленко, 2014, с. 9]. Это не было воспринято Россией, которая продолжала действовать как геополитический олигарх и геополитический рейдер. В. Ермоленко безусловно прав, что в этом смысле мы пребываем в радикальном ценностном различии с Российской Федерацией, «ибо украинское общество готовит себя к мысли, что настоящее общество рождается от солидарности, когда отдаешь больше, чем получаешь; а российское общество продолжает жить по логике “брать больше, чем давать”» [Ермоленко, 2014, с. 10]. И у своих сограждан, и у своих геополитических соседей.

⁷ Социологические исследования рисуют такую картину. Только половина населения страны идентифицирует себя как «сознательных украинцев». За годы независимости этот показатель вырос всего на 5%. Одновременно значительная часть населения (30–40%) имеет региональную идентификацию (чем дальше на восток и юг страны, тем больше она возрастает). За годы независимости региональная идентификация также несколько выросла. Определенная часть населения считают себя «советскими людьми», их около 10%. Еще меньше в Украине людей с европейской идентификацией и, что любопытно, за годы независимости этот процент сократился.

Сегодня довольно часто высказывается мысль о том, что Украина является преимущественно объектом, а не субъектом международного права – в геополитических раскладах и США, и России. Ее собственная субъектность слаба и аморфна – отчасти из-за отсутствия «государствообразующей элиты», отчасти из-за того, что в качестве политической нации она конституируется сравнительно недавно. Был опыт борьбы, но не было опыта победы, воплотившегося в институты. И Майдан сыграл здесь неопенимую роль – идентичность из теоретического конструкта превратилась в реалию жизненного мира. Одновременно проявилась неспособность постреволюционной мысли использовать дух революции и концептуально его осмыслить, неспособность закрепить победу прочными институтами. Завоеванная свобода не имела пространства, где она могла бы реально существовать. В который раз «свобода от» не смогла быть преобразована в «свободу для».

В мировоззрении Майдана произошло «соединение проукраинских, иногда радикально националистических, взглядов и политических требований, с одной стороны, и всего протестного движения как такового, направленного от России к Европейскому союзу, к либеральным ценностям» [Быстрицкий, 2014, с. 12]. По мнению Е. Быстрицкого, «между собой равно сосуществуют украинский патриотизм, желание отсоединиться от России и российской культуры и устремление к внедрению гражданских европейских ценностей с присущим им признанием фундаментальных свобод человека» [Быстрицкий, 2014, с. 13].

Но в целом время «простых» идентичностей подошло к концу, и это требует кардинального переосмысления таких понятий как «национальная идея», «национальная идентичность», ставших не только нерелевантными для понимания происходящих процессов, но и откровенно устаревшими и вводящими в заблуждение. Именно простые представления об идентичности украинцев и русских привели к войне на Востоке Украины. С. Дацюк объясняет это так: «... Простые идентичности больше не работают. “Национальная идея” настаивает именно на простой или даже упрощенной идентичности. Но война на Востоке Украины идет именно за выработку сложных идентичностей» [Дацюк, 2015].

Автор анализирует главные варианты сложных идентичностей, которые сегодня бытуют в политическом поле. Это «имперская идея» России («Русский мир») как наднациональная идея мира, которая строится на модели «нация над нациями» и где Украине отводится роль недогосударства (пресловутого failed state). Это «европейская идея», которая зиждется на том, что политическое пространство Европы должно быть объединено в единую цивилизацию на основе общности территории, ценностей, исторической судьбы и опыта, политической организации государств (либеральной демократии). Модель ЕС как наднациональная идея мира – «нация среди наций, поскольку она их объединяет, а не разъединяет». Главная интрига здесь в том, что ЕС тяготеет к США и в то же время любой ценой стремится договориться с Россией в ее цивилизационном конфликте с США, ибо этот конфликт может разрушить сам Европейский союз. И, наконец, это «сетевая идея», которая состоит в принципиальном сдвиге акцента объединяющих усилий мира за границы наличных ценностей и наличной культуры, то есть за границы национального содержания как такового. Сетевая идея вненациональна по определению, ни язык, ни культура не играют здесь прежней роли; физическое переходит в виртуальное, нации и государства фрагментируются и растворяются в глобальном виртуальном пространстве, и это растворение имеет не технологический, а онтологический характер. Эту модель сетевого мира можно определить как «сетевую идентичность вне наций» [Дацюк, 2015].

Таким образом, выстраивается иерархия инновационных объединяющих моделей мира: архаическая имперская идея России, менее архаическая, но принудительно инновационная – европейская идея и наиболее инновационная – сетевая идея, которую только формально можно назвать американской. То есть в современном мире

параллельно происходят два масштабных процесса – субнациональная фрагментация бывших традиционных политических наций, которые были конгломератом «территория – государство – нация», и реинтеграция этих субнациональных фрагментов на наднациональном уровне [Дацюк, 2015]⁸.

Наряду с этим продолжают существовать анклавные «неправильные» идентичности, таких как на Донбассе, в приграничных регионах, в случае русскоязычных украинцев и пр. По мнению российского историка Алексея Миллера, в постсоветское время в Украине существовали не две, а «целых три общности: украиноязычные украинцы, русскоязычные украинцы и русскоязычные русские. Во многом с этим разделением совпадали и ментальные установки населения Украины. Эти идентичности формировались, по мнению историка, в первой половине XX века, в основном в межвоенный период» [Миллер, 2015].

Пример Донбасса – наиболее показательный. Исчерпывающий исторический анализ «Донбасского разлома» предложен российским историком Д. Лабаури [Лабаури, 2015]. По мнению автора, «следует признать, что на уровне отношений Донбасса и остальной Украины конфликт носит одновременно черты и межэтнического противостояния, и гражданского конфликта. Гражданского, поскольку столкнулись две диаметрально противоположные концепции внутри- и внешнеполитического развития Украинского государства, оказавшегося в очередной раз перед выбором между восточным соседом и Европейским союзом. Межэтнического, поскольку налицо противостояние между двумя отдельными идентичностями» [Лабаури, 2015].

Однако гражданскими и этническими перипетиями «донбасская идентичность» не исчерпывается. За ними проступает проблема экзистенциальная, где отчаяние, боль, страх, унижение, тотальная депрессия сублимируются и обретают странные и химерические очертания – как в сознании людей, так и в их поведении [Мола, 2014].

Прежние формальные признаки идентичности (язык, национальность, религия), которые можно найти в любом учебнике, «явно не выдержали испытания войной и уступили место другому, более значимому, кровавому плебисциту» [Лабаури, 2015], где многим заново пришлось мучительно решать для себя вопрос «кто я?» и «с кем я?». При этом выбор стороны в данном гражданском конфликте, как правило, означал и выбор национальной идентичности (часто не связанной с этническим происхождением). Мы видим, что гражданское, политическое доминирует над культурным, этническим. И Донбассом эта асимметрия не исчерпывается. Человек идентифицирует себя по отношению к выбираемому будущему в большей степени, чем по отношению к наличному прошлому – истории, языку, территории, религии, общим мифам и пр. Теоретически это обосновывали З. Бауман и С. Холл [Questions of Cultural Identity, 2000, pp. 1–36]. Эмпирические подтверждения этой модели мы видим в войне на Донбассе. Россия воюет за свою прошлую идентичность, Донбасс – за настоящую, Украина – за будущую. И национальная идентичность в этих условиях не predetermined, она свободно избирается. И хотя никогда прежде националистическая риторика не была так широко представлена в высших эшелонах российской власти, как в период «русской весны», эта риторика призвана была реанимировать концепты XIX века, а не реалии века XXI.

«Начавшись как гражданский, конфликт постепенно трансформировался в межнациональный – в конфликт двух народов, первую современную русско-украинскую войну» [Лабаури, 2015]. Но Лабаури, как и другие российские историки, предпочитает видеть в этой войне не русско-украинский конфликт интересов, а зону влияния США.

---

⁸ Сегодняшние так называемые «ДНР» и «ЛНР» – субнациональные идеи – фрагменты политической нации, которые не могут быть нормально интегрированы ни в Россию, ни в Украину. И чем больше мы будем настаивать именно на «национальной идее», тем больше человеческой крови мы прольем.

По его мнению, силой, наиболее заинтересованной в углублении и расширении конфликта и не позволяющей более-менее цивилизованно закончить развод Украины и Донбасса, должны быть признаны США, «приложившие максимум усилий к тому, чтобы перевести страну победившего Майдана в режим ручного управления» [Лабаури, 2015]. Едва ли судьба украинского народа представляла для Вашингтона какой-либо значимый интерес в этой глобальной игре. Ставка делалась прежде всего на создание зоны напряженности на российской границе, способной экономически и политически ослабить Россию, а также вбить клин в ее отношения с Евросоюзом [Лабаури, 2015]. Если это так, то было бы логично для США оказать Украине и военную помощь, что, однако, происходит с большим трудом.

По мнению Дж. Фридмана, которого мы уже упоминали, «целью Америки на данный момент является сохранение независимой, прозападной Украины. Возможно, это кажется неосуществимым. Но проблема в том, что поставив эту цель и достигнув в её достижении некоторого прогресса, Соединенные Штаты убедили русских в том, что они хотят развалить Российскую Федерацию путём лишения её существенной сферы влияния. Русские сделали вывод – чем бы ни закончился этот раунд в Украине, процесс не остановится» [Фридман, 2014].

В качестве промежуточного итога имеем следующее: Россия, а вернее сторонники «русского мира» получили жалкий огрызок двух областей, покалеченных войной и превращенных в руины, а Украина, пребывавшая до этого в аморфном состоянии, окончательно сложилась и консолидировалась как двуязычная политическая нация. В результате войны Украина получила устойчивое представление о своем главном враге, что во все времена было важно для кодификации национального самосознания.

Если Д. Лабаури пытается сохранить объективность как российский историк, то С. Дацюк как украинский философ с трудом обуздывает эмоции и не сдерживает драматизма, рассуждая о том, чем Украина должна пожертвовать, чтобы не допустить кровавого развития событий. В качестве «жертвоприношения», по его мнению, могут выступать: жертва человеческими жизнями украинского общества; жертва жизнью контрреволюционной элиты Украины; жертва свободой и идентичностью украинцев; жертва частью территории Украины [Дацюк, 2014]. Классификация «жертв» более чем условна, ибо очевидно, что, будучи избранной, одна жертва тянет за собой все остальные. Отдав идентичность, мы рано или поздно отдадим и территорию *visa versa*, а отдав элиту (не понятно, правда, кому и каким способом), мы не избежим и человеческих жертв. Прошло четыре месяца со времени опубликования статьи, и реальность «Донбассского разлома» оказалась еще трагичнее: число человеческих жертв исчисляется тысячами (точной статистики не знает никто, на сегодняшний день – начало 2019 года – называется цифра от 35 до 50 тысяч). Сомнительная привилегия владеть территорией принадлежит неизвестно кому, а раскол между украинской и «донецкой» идентичностью продолжает углубляться. Территория как обозначение Украины изнутри традиционной национальной идентичности, где государство, нация и территория нераздельны, перестала выполнять эту функцию. Теперь эти явления разделяются, и уже никогда они не смогут быть соединены. «У нации как культурно ориентированной общности будет своя судьба, у государства, многие функции которого возьмут на себя корпорации, будет своя судьба, а у территории будет своя судьба. И все это будут разные судьбы» [Дацюк, 2014].

С точки зрения геополитики идентичность сама по себе мало что определяет и вряд ли повлияет на исход настоящей войны. Но сама война не началась бы, если бы проблемы с идентичностью были учтены, поняты и разрешены вовремя. Уроки войны и сегодня не вполне усвоены. Массовое сознание по-прежнему тяготеет к «простым идентичностям», в социальных сетях – это «укропы» и «ватники», на экранах украинского ТВ мы видим лейбл «Україна понад усе», а российские медиа с легкой руки Путина оперируют термином «национал-предатель». В условиях войны это закономерно, однако

принуждение к идентичности чревато тем, что маховик этой войны будет раскручиваться бесконечно.

Когда государство уже существует, совершенно неважным оказывается, каким образом оно легитимировало свое создание. Э. Валлерстайн в этой связи приводит пример некой «сахравийской нации» – существует она или является мифом. Если победит, иронизирует автор, то будет и нация и идентичность, а проиграл – и вопроса самого не возникнет. Параллели с украинским государством – очевидны.

Идентичность и масс-медиа

Гибридная война, ведущаяся против Украины, была бы невозможна без той гипертрофированной роли, которую играют сегодня средства массовой информации. Львовская политолог А. Колодий называет такую войну консциентальной. «Консциентальная война (лат. *conscientia* – сознание) – война на поражение сознания, разрушение идентичности, а также самой способности человека к самоидентификации, – поясняет А. Колодий. – К особенностям консциентальной войны относят такие черты, как: латентность в течение длительного времени; разнообразие, гибкость и непредсказуемость средств влияния; применение насильственных методов искажения информационно-коммуникативного пространства; стирание четкого разграничения «друг – враг»; разрушение духовных ценностей, представлений о добре и зле, способности человека к свободной самоидентификации и пр.» [Колодій, 2015].

Это не значит, что война изменила функции медиа, которые как бы в одночасье стали «заточиваться на войну». Функция медиа – не отражать, а конструировать реальность – возникла не вчера. Виртуализация и массовизация культуры привели к тому, что воображаемое получает все большую власть реальным, над повседневностью и непосредственно влияет на формирование идентичности и сценарии автопроектирования. Сегодня культуру создает не элита, не нравственные авторитеты, а политтехнологи, журналисты, телевизионщики. Медиа, по сути, начинают подменять собой ту реальность, по отношению к которой и имело смысл различение реального и виртуального. Можно предположить, что медиа и втягивают реальность в себя, и конституируют ее одновременно. В известном смысле масс-медиа сегодня тотальны и самодостаточны. По сути, они уже давно не «медиа», не пассивные трансляторы информации (созданной кем-то где-то в другом месте) по вертикали (масса и власть) или по горизонтали (социальная коммуникация). Они – креаторы реальности, и чем они «креативнее», тем более непредсказуемы эффекты деятельности медийной сферы [Зиновьев, 200, с. 55–56]⁹.

Для того, чтобы гибридная война начала оказывать влияние, надо чтобы само сознание стало гибридным и свободным от нравственных смыслов. Роль медиа в этом процессе трудно переоценить. С. Медведев в статье «Русский ресентимент» констатирует, что на почве российской телевизионной пропаганды развился массовый психоз и в пору говорить о «мании Украинь». «Украина превратилась в ментальный полигон постсоветского сознания, на котором отрабатываются речь вражды (*hate speech*), приемы конструирования Другого, методы массовой мобилизации населения» [Медведев, 2014].

Проекции собственных комплексов и фрустраций (России) переносились на символическую фигуру Другого (Украину). Все, что говорилось и говорится в России об

---

⁹ А. Зиновьев характеризует современные функции медиа весьма красноречиво: «Это и информация, и дезинформация, и апологетика, и критика, и услуги властям и бизнесу, и оппозиция к власти и бизнесу, и проповедь морали, и проповедь разврата, и просвещение, и огулнение, и борьба идей и интересов, и отражение жизни, и искажение реальности, и делание жизни, короче говоря, квинтэссенция общественной жизни во всех проявлениях ее субъективного фактора. Медиа есть арена общественной жизни, ставшая сама одним из важнейших факторов этой жизни. <...> Медиа – это могущественный инструмент формирования сознания, чувств и вкусов огромных масс людей и инструмент воздействия на них в желаемом для кого-то духе. Но это такой инструмент, который сам осознает себя в качестве силы, использующей всех прочих и все остальное в качестве инструмента своей власти над обществом» [Зиновьев, 2000, с. 55–56].

Украине, не об Украине как таковой говорится, а о России, и термин «рессентимент» здесь как нельзя более уместен, ибо означает смесь любви и ненависти, зависти и восхищения, пренебрежения и удивления. «Рессентимент – это ненависть раба ко всему, где ему чудится свобода» [Медведев, 2014]. Это обратная сторона комплекса неполноценности, который в качестве компенсации формирует собственную систему морали, отрицающую ценности врага. Без мощного пропагандистского давления эта цель достигнута быть не может. Генеалогия рессентимента коренится в неспособности изменить внешние обстоятельства своего существования, переломить виктимную идентичность жертвы. При этом рессентиментные фантазии характерны и для идеологии власть предержащих, и для психологии обывателя, то есть выполняют функцию объединяющего дискурса [Медведев, 2014]. Дискурс обиды становится доминирующим в общественном поле, превращается в особый жанр российской политики.

Оба украинских Майдана (и «оранжевая революция», и «революция достоинства») стимулировали бурный всплеск рессентиментных эмоций и комплексов. «Украина во второй раз за десять лет посмела послушаться старшего брата и попыталась выбраться из патерналистской парадигмы на путь буржуазно-демократической революции и европейского развития. Ответом стал консолидированный российский рессентимент, в котором слились неудовлетворенные амбиции Кремля и ревность “старшего брата”» [Медведев, 2014]¹⁰.

Триумфом российских политтехнологов и телевизионщиков стало изобретение «украинского фашизма», мысль о котором внушалась пресловутым 86% российского населения посредством телевидения. Ранее цитированные высказывания российских политологов не избежали влияния этого пропагандистского напора, эмоциональная предвзятость почти везде доминировала над рациональным анализом событий.

Фашизм как синоним абсолютного зла в российском дискурсе приобретает универсальную ценность Другого, вся новейшая российская идентичность построена на идеологеме победы над нацизмом. Происходит онтологизация конфликта с Украиной как борьбы абсолютного добра с абсолютным злом. Насквозь мифический медийный продукт о «бандерах» и «карателях», становится, благодаря телевизионной картинке, неverified, ибо апеллирует не к интеллекту, а к глубинным пластам сознания и подсознательного.

В качестве кратких *выводов* отметим:

1) Идентичность есть конструкт, а не примордиальная сущность. Как конструкт она предполагает свободу выбора себя и внутреннюю динамику. И социальные, и индивидуальные идентичности множественны, неунитарны и подвижны. Они нацелены на будущее в большей степени, чем на прошлое.

2) Идентичности стабилизируются в условиях мира и проблематизируются в ситуациях социальных катаклизмов (революций, войн и т. п.). Революции и войны порождают сложные идентичности и апеллируют к «образу врага» или образу Другого. Революции и войны несут смерть и разрушения, но «культурный горизонт нации прочерчивается именно под молниями революций».

3) Идеология национализма может выполнять конструктивную роль в процессе становления национальной идентичности, но она деструктивна в границах постмодерного постиндустриального мира и противоречит основам демократии, базирующихся на

---

¹⁰ С. Медведев объясняет это так: «Упорное нежелание Путина видеть реальные силы и процессы, приведшие к Беслану и к Майдану (крах поддержанных Москвой неопатримониальных режимов на Кавказе и в Киеве), стремление все свалить на проишки США – это типичный рессентимент, попытка перенести собственные неудачи на фигуру внешнего врага. С другой стороны, существует и массовый рессентимент широких слоев населения, не сумевших адаптироваться к новой рыночной реальности, к глобальным потокам финансов, информации, образов, мигрантов, технологий и вымещающих свою обиду на российских либералах и реформаторах» [Медведев, 2014].

включенні, а не на виключенні Другого. Роль медіа в цьому процесі так же амбівалентна.

4) Геополітика оказує неозцінювану роль в процесі соціального прогнозування і потребує в адаптації її методології для цілей соціально-філософського аналізу ідентичності.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Бистрицький Є. Майдан і ідентичність. Круглий стіл «Філософської думки». *Філософська думка*. 2014. № 6. С. 5–29.

Воропай Т. С. Между глобализацией и массовой культурой. *Философские науки*. М., 2009. № 10. С. 11–31.

Гильбо Е. В. Постиндустриальный переход и мировая война. Лекции по введению в социологию и геополитику современности [Электронный ресурс]. М.: Тенерифе, 2013. 97 с. URL: http://kulibinsclub.ru/upload/forum/post85090/Postindustrialnyeperekhodimirovayavouna_82df5.pdf.

Глобализация и идентичность: Хрестоматия / сост. Т. С. Воропай. Харьков: Эксклюзив, 2007. 460 с.

Дацюк С. Жертвоприношення [Электронный ресурс]. *Українська правда*. 2014, 12 листопада. URL: <http://blogs.pravda.com.ua/authors/datsuk/5463454e2f339>.

Дацюк С. Наднаціональна ідея [Электронный ресурс]. *Українська правда*. 2015, 3 квітня. URL: <http://blogs.pravda.com.ua/authors/datsuk/551e610982582>.

Єрмоленко В. «Рідинні ідеології» Майдану. Круглий стіл «Філософської думки». *Філософська думка*. 2014. № 6. С. 5–29.

Зиновьев А. Глобальное сверхобщество и Россия. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. 127 с.

Ищенко Р. Рубеж цивилизаций. Комментарий для Prensa Latina о мировом кризисе и ситуации на Украине [Электронный ресурс]. *IJA Rex*. 2015b, 3 января. URL: <http://www.iarex.ru/articles/51372.html>.

Ищенко Р. Темные века [Электронный ресурс]. *IJA Rex*. 2015a, 2 февраля. URL: <http://www.iarex.ru/articles/51458.html>.

Ищенко Р. Украина – с треском провалившееся государство [Электронный ресурс]. 2015c, 5 апреля. URL: <https://e-news.su/in-ukraine/49699-rostislav-ischenko-ukraina-s-treskom-provalivsheesya-gosudarstvo.html>.

Колодій А. Війна на ураження свідомості продовжується [Электронный ресурс]. *ЗІК*. URL: http://zik.ua/ua/news/2015/01/02/antonina_kolodiy_viyna_na_urazhennya_svido_mosti_prodozvhuetsya_zvidsy_vytivky_intera_553739?utm.

Лабаури Д. Донбасский разлом: причины, суть и итоги конфликта на Юго-Востоке Украины [Электронный ресурс]. *Урал*. 2015. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2015/1/12lala.html>.

Медведев С. Русский ресентимент [Электронный ресурс]. *Отечественные записки*. 2014. № 6 (63). URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2014/6/3m-pr.html>.

Миллер А. Украинская идентичность сформировалась в XX веке [Электронный ресурс]. *Українська правда*. 2015, 12 февраля. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/02/12/ukrid>.

Мола К. Когда пришли захватывать Донбасс, я ничего не сказал, ведь я был на Книжковому Арсеналі [Электронный ресурс]. *Колонкер*. 2014, 13 апреля. URL: <http://www.kolonker.com/articles/?id=120>.

Тульчинский Г. Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейа, 2002. 677 с.

Фридман Дж. Пограничные земли: Украина и «геополитические фьючерсы» США [Электронный ресурс]. 2014a, 11 июня. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1813163.html#ixzz3UIYQYHgd>.

Фридман Дж. Противостояние Украины и России, опасения Румынии и стратегические интересы США [Электронный ресурс] / пер. с англ В. Чужа. *Незалежний*

культурологічний часопис «І». 2014b. URL: http://www.jimagazine.lviv.ua/anons2014/Friedman_Protivostoyaniye_Ukrainy_i_Rossii.htm.

Фридман Дж. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века / пер. с англ. М.: Эксмо, 2010. 335 с.

Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 637 с.

Huntington S. P. The clash of civilizations and the remaking of world order. New York: Simon & Schuster, 1996. 368 p.

Questions of Cultural Identity / Ed. By Stuart Hall and Paul du Gay. London: Sage Publications, 2000. 208 p.

Воропай Татьяна Степановна

доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Харьковский национальный университет внутренних дел
просп. Льва Ландау, 27, Харьков, 61000

E-mail: voropayts@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6170-5512>

Статья поступила в редакцию: 17.09.2018

Утверждена к печати: 18.10.2018

РЕВОЛЮЦІЯ І ІДЕНТИЧНІСТЬ

Воропай Тетяна Степанівна

доктор філософських наук, професор кафедри соціально-гуманітарних дисциплін
Харківський національний університет внутрішніх справ
просп. Льва Ландау, 27, Харків, 61000

E-mail: voropayts@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6170-5512>

Ідентичність є сталою ознакою соціальних груп за умов миру та стабільності, але вона проблематизується в кризових умовах (війна, революція, громадянський конфлікт, соціальна криза тощо), коли людина усвідомлює не лише те, ким вона є, але й переосмислює те, ким вона хоче або має бути. Тоді, коли з'являється ворог, або хоча б «образ ворога». Ідентичність є народженням політичної суб'єктності в спільноті, яку геополітично вважають об'єктом міжнародних відносин. У літературі вже стало своєрідним кліше висловлювання стосовно того, що Україна – об'єкт, а не суб'єкт міжнародних відносин, розмінна карта у чужих геополітичних іграх. Тобто самосвідомість нації нічого не варта й ні на що не впливає. Спростувати це твердження і є головною метою даної статті. Завдання статті полягає в цілісному, неупередженому, об'єктивному аналізі становлення української політичної нації, проведеному на ґрунті різних поглядів. У зв'язку з цим стаття складається з трьох частин, які присвячені трьом різним аспектам проблеми: суто геополітичний огляд робіт найбільш знаних і впливових науковців на проблему україно-російських відносин після революційних подій в Україні та їхні футурологічні прогнози; проблеми ідентичності, пов'язані з війною на Донбасі; вплив сучасних мас-медіа на формування ідеології гібридної війни та гібридного миру. *Теоретичний базис* статті ґрунтується передусім на геополітичних постулатах свободи від етичних оцінок та, натомість, важливості географічних даностей. Пошук і артикуляція цих даностей і складає головну наукову новизну статті. Багато в чому ми спиралися на методологію геополітичного аналізу, запроваджену Джоном Фрідманом та Самуелем Хантінгтоном, і намагалися поєднати їхні позиції у цілісну та несуперечливу картину. Основні висновки роботи можна підсумовувати приблизно у таких тезах. Культура, а не лише політика й географія, має значення. Ідентичність не є константою, вона є змінюваним і надскладним конструктом, націленим більше на майбутнє, ніж на минуле. Ідеологія націоналізму може бути як корисною в процесі становлення нації та державотворення, так і помилковою, коли вона суперечить картині світу пост-постмодерного світу XXI сторіччя та засадам демократії.

Ключові слова: ідентичність, гібридна війна, геополітика, революція, мас-медіа.

Стаття надійшла до редакції: 17.09.2018

Схвалено до друку: 18.10.2018

REVOLUTION AND IDENTITY

Voropai Tetiana S.

D.Sc. in Philosophy, (Full) Professor, Chair of Social Sciences and Humanities

Kharkiv National University of Internal Affairs

27, L. Landau avenue, 61080, Kharkiv, Ukraine

E-mail: voropayts@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6170-5512>

ABSTRACT

Identity is a constant sign of social groups in peace and stability, but it is problematic in times of crisis (war, revolution, civil conflict, social crisis, etc.) when community is aware not only who he is, but also rethinking who it wants or should be. Especially when an enemy appears, or at least «the image of the enemy». Identity is the birth of a political subjectivity in a community that is geopolitically considered an object of international relations. In the literature, the cliché has already become a kind of statement about the fact that Ukraine is an object and not a subject of international relations, a change card in foreign geopolitical games. That is, the self-consciousness of the nation is worthless and does not affect anything. To refute this statement is the main purpose of this article. The objective of the article is to integrate, unbiased, objective analysis of the formation of the Ukrainian political nation, conducted from different points of view. In this regard, the article consists three parts, devoted to three different aspects of the problem: a purely geopolitical review of the works of the most well-known and influential scholars on the problem of Ukrainian-Russian relations after the revolutionary events in Ukraine and their futurological predictions; identity problems associated with the war on the Donbass; the influence of modern mass media into the formation of the ideology of the hybrid war and the hybrid world. The theoretical basis of the article is based, first of all, on the geopolitical postulates of freedom from ethical assessments and, on the contrary, the importance of geographical dates. The search and articulation of these data is the main scientific novelty of the article. In many respects, we relied on the methodology of geopolitical analysis introduced by John Friedman and Samuel Huntington, and tried to combine their positions into a coherent and holistic picture. The main conclusions of the work can be summarized in approximately these theses. Culture, not just politics and geography, matters. Identity is not a constant, it is a variable and super-complicated construct, aimed more for the future than the past. The ideology of nationalism can be both useful in the process of becoming a nation and state creation, and erroneous when it contradicts the picture of the post-modern world of the XXI century and the principles of democracy.

Keywords: identity, hybrid war, geopolitics, revolution, mass media.

REFERENCES

- Bystrytskyi, Ye. (2014). Maidan and Identity. Round Table “Philosophical Thought”. *Filosoofska dumka – Philosophical Thought*, 6, 5–29. (In Ukrainian).
- Datsiuk, S. (2014, Nov 12). Sacrifices. *Ukrainska Pravda – Ukrainian Truth*. Retrieved from <http://blogs.pravda.com.ua/authors/datsuk/5463454e2f339>. (In Ukrainian).
- Datsiuk, S. (2015, Apr 3). Overnational Idea. *Ukrainska Pravda – Ukrainian Truth*. Retrieved from <http://blogs.pravda.com.ua/authors/datsuk/551e610982582>. (In Ukrainian).
- Yermolenko, V. (2014). Maidan’s “Fluid Ideologies”. Round Table “Philosophical Thought”. *Filosoofska dumka – Philosophical Thought*, 6, 5–29. (In Ukrainian).
- Fridman, D. (2014a, June 11). *Borderlands: Ukraine and the US «Geopolitical Fucheres»*. Retrieved from <https://regnum.ru/news/1813163.html>. (In Russian).
- Fridman, D. (2014b). The Confrontation of Ukraine and Russia, the Anxiety of Romania and the Strategic Interests of the United States. (V. Chuzha, Trans.). *Nezalezhnyi Kulturolohichniy Chasopys «I» – Independent Culturological Journal «I»*. URL: http://www.jimagazine.lviv.ua/anons2014/Fridman_Protivostoyaniye_Ukrainy_i_Rossi_i.htm. (In Russian).
- Fridman, D. (2010). *The Next 100 Years: a Forecast for the 21th Century*. (A. A. Kalinin, M. Ya. Matskovskaya, V. A. Naritsa, Trans.). Moscow: Eksmo. (Original work published 2009). (In Russian).

- Gilbo, E. B. (2013). *Post-industrial Revolution and World War. Lectures on Introduction to Sociology and Geopolitics of Modernity*. Moscow: Tenerife. Retrieved from http://kulibinsclub.ru/upload/forum/post85090/Postindustrialnyeperekhodimirovayavovna_82df5.pdf. (In Russian).
- Voropay, T. S. (Ed). (2007). *Globalization and Identity: Reader*. Kharkiv: Ekskluziv. (In Russian).
- Huntington, S. (2004). *Who are we? Challenges of American National Identity*. (A. Bashkirov, Trans). Moscow: AST; Tranzitkniga. (Original work published 2004). (In Russian).
- Huntington, S. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon&Schuster.
- Ishchenko, R. (2015a, February 2). Dark Ages. *IA Rex*. Retrieved from <http://www.iarex.ru/articles/51458.html>. (In Russian).
- Ishchenko, R. (2015b, January 3). The Frontier of Civilizations. Comment for Prensa Latina on the Global Crisis and the Situation in Ukraine. *IA Rex*. Retrieved from <http://www.iarex.ru/articles/51372.html>. (In Russian).
- Ishchenko, R. (2015c, April 5). *Ukraine is a Failed State*. URL: <https://e-news.su/in-ukraine/49699-rostislav-ischenko-ukraina-s-treskom-provalivsheesya-gosudarstvo.html>.
- Kolodii, A. (2015, January 2). The War for the Defeat of Consciousness Continues. *ZIK*. Retrieved from http://zik.ua/ua/news/2015/01/02/antonina_kolodiy_viyna_na_urazheniya_svidomosti_prodovzhuietsya_zvidsy_vytivky_intera_553739?utm. (In Ukrainian).
- Labauri, D. (2015). Donbass's Fault: Causes, Essence and Results of the Conflict in South-East of Ukraine. *Zhurnalnyi Zal – Magazine Room*. Retrieved from <http://magazines.russ.ru/ural/2015/1/12lala.html>. (In Russian).
- Medvedev, S. (2014). Russian resentment. *Otechestvennye Zapiski – Notes of the Fatherland*, 6 (63). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/oz/2014/6/3m-pr.html>. (In Russian).
- Miller, A. (2015, February 12). Ukrainian Identity Was Formed in the Twentieth Century. *Ukrainska Pravda – Ukrainian Truth*. Retrieved from <https://lenta.ru/articles/2015/02/12/ukrid>. (In Russian).
- Mola, K. (2014, April 13). When They Came to Capture the Donbass, I did not Say Anything. *Kolonker*. Retrieved from <http://www.kolonker.com/articles/?id=120>. (In Russian).
- Hall, S., & Gay, P. D. (Eds.). (2000). *Questions of Cultural Identity*. London: Sage Publications.
- Voropay, T. S. (2009). Between Globalization and Mass Culture. *Filosofskije nauki – Philosophical Sciences*, 10, 11–31. (In Russian).
- Zinovyev, A. (2000). *Global Supercommunity and Russia*. Minsk: Harvest, Moscow: AST. (In Russian).
- Tulchinskiy, G. L. (2002). *Posthuman Personology. New Perspectives of Freedom and Rationality*. Saint Petersburg: Aleteia. (In Russian).

Article arrived: 17.09.2018

Accepted: 18.10.2018